
6.1

— В этом Цзянье положительно невозможно находиться, — со вздохом обронил Сяо Цзюлин.

В комнате жарко горели угли, дышало уютным теплом, но с этими словами воздух в покоях словно застыл, сделавшись тяжелым и вязким.

Пэй Чжао равнодушно поднял взор:

— Неужели прямо так и выразился?

— Не посмею утаить ни слова, — отозвался Сяо Цзюлин.

Стража Прислуживания Небесам не привыкла утруждать государя пустяковыми донесениями. Однако в тот день пути их людей пересеклись с наследным принцем Нином, и за молодым господином сразу же установили негласный надзор. И первая же весть оказалась ошеломляющей: дерзкие слова сорвались именно с губ наследного принца Нина, и в подлинности этой фразы сомневаться не приходилось.

— Покинув подворье, наследный принц Нин не стал возвращаться к себе. Вместо этого он напрямик направился в кабак в поселке Лайань, чтобы залить тоску вином. Его явно что-то тяготило, какая-то неразрешимая досада, и он несколько не скрывал своего презрения...

Взор Пэй Чжао потемнел.

— Уж не затаил ли он обиду на Великую Юн?

Вопрос прозвучал обманчиво мягко, без тени гнева или раздражения, однако от грозного слова «обида» у Сяо Цзюлина болезненно сжалось сердце. Подобное обвинение в неблагодарности весило слишком тяжело. Случись Пэй Чжао заподозрить в подобном самого Сяо Цзюлина, тот, не раздумывая, пал бы ниц, со слезами моля о прощении и клянясь отдать жизнь ради искупления вины перед престолом. Пожалуй, он явился бы с повинной головой и безропотно простоял на коленях перед дворцовой лестницей трое суток кряду, принимая любые кары.

Но виновника этих расспросов здесь не было, а Сяо Цзюлин, застыв подле господина, не смел проронить ни звука.

В глубине глаз Пэй Чжао промелькнуло брезгливое утомление. Не прошло и трех дней с его прибытия в столицу, а этот юнец уже позволяет себе столь дерзкие речи и возмутительные выходки. Дикарь из приграничных земель, где не ведают ни манер, ни законов приличия. Вместо того чтобы вести себя тише воды ниже травы, он выставляет напоказ свое чванство и

безрассудство.

Какое жалкое зрелище. Наследный принц Нин — ленивый, избалованный роскошью пустослов, обделенный умом и широтой души... Едва ступив на столичное подворье, он принимается распускать язык и лезть в драку. Страшно представить, каких бед этот вздорный заносчивый грубиян натворит за грядущие три года.

— Хватит, — бесстрастно оборвал Пэй Чжао. — Больше не желаю ничего о нем слышать.

Сяо Цзюлин осекся. У него оставалось еще несколько важных известий — лазутчики докладывали, что во время слежки люди наследного принца Нина, похоже, заметили погоню. Однако видя, что Владыка потерял к этому делу всякий интерес, он лишь покорно склонил голову в знак согласия.

Слабый дневной свет, пробиваясь сквозь узорные решетки окон, косо ложился на письменный стол, очерчивая на полу колеблющиеся тени.

Тишину нарушил сухой, сдвленный кашель.

Тонко звякнула крышка фарфоровой пиалы, опустившись на край чашки. Решив уберечь покой господина от этой вздорной придворной возни, Сяо Цзюлин пообещал себе разобраться со всем самостоятельно. Он бесшумно откланялся и скользнул за порог.

С карнизов хлопьями валил снег. Когда Сяо Цзюлин только пришел, метель едва занималась, теперь же пушистое серебряное покрывало укутало весь двор. Обладая безупречным внутренним мастерством, страж мог ступать по сугробам, не оставляя следов, и мороз был ему нипочем. Но, оглянувшись на закрытые двери покоев, он вновь ощутил, как тяжелая тревога за здоровье Владыки сдавливает грудь.

Спустились густые сумерки.

Метель разыгралась не на шутку. Чтобы не напустить в дом ледяного ветра, слуги наглухо заперли все окна и двери. В жаровнях бесшумно тлели отборные серебряные угли, наполняя комнаты сухим и ровным теплом.

Пэй Чжао сидел у стола с раскрытой книгой, когда до его слуха долетел негромкий, настойчивый стук. словно кто-то робко просился войти. Он скосил глаза на выход: тяжелая бисерная завеса не шевелилась, за ней никого не было, но странное туканье не прекращалось. Слуги в этой загородной усадьбе отличались безукоризненной выучкой и степенностью, среди них не водилось нетерпеливых или взбалмошных невеж.

Пэй Чжао слегка нахмурился:

— Хэлинь, кто там за дверью?

Чжан Хэлинь тотчас вошел в комнату, недоуменно разводя руками:

— Владыка, на пороге никого нет.

Однако сухой дробный перестук по-прежнему раздавался откуда-то сбоку.

Поспешив на звук, управляющий Чжан остановился у самой стены:

— Кажется, стучат с той стороны окна.

Не успел он договорить, как раздался резкий щелчок — плотная рисовая бумага, натянутая на раму, лопнула, и в образовавшуюся прореху ворвался свистящий сквозняк.

Чжан Хэлинь испуганно отпрянул. Решив, что в усадьбу пробрались убийцы, он уже набрал в грудь воздуха для крика, но Пэй Чжао спокойно распорядился:

— Распахни окно.

— Но Владыка, снаружи стужа...

Перечить господину управляющий Чжан не посмел. Боясь выстудить комнату, он торопливо потянул створку на себя. Стоило окну приоткрыться, как сквозь щель стремительной черно-белой молнией проскользнула чья-то тень. Он поспешил захлопнуть створку и попытался поймать незваного гостя, однако шустрый комок перьев уже уселся на край стола. Птица завертела головой, осматриваясь, а затем с громким хлопанием крыльев перелетела прямо на раскрытый свиток, который держал Пэй Чжао, крепко вцепившись острыми коготками в плотную бумагу.

Бамбуковый свиток качнулся, птица удержала равновесие и замерла, гордо выпятив грудь. У нее было угольно-черное оперение на спине, белоснежное брюшко и забавные темные отметины вокруг круглых блестящих глаз, напоминавшие аккуратную маску.

Чжан Хэлинь изумленно вытаращился на гостя, а затем всплеснул руками:

— Батюшки... Да ведь это ваш малый сокол!

Некоторое время назад Пэй Чжао действительно держал малого сокола с белыми лапами, но птица бесследно исчезла несколько дней назад. Сам он никогда не отличался привязанностью к домашней живности, а потому не стал искать беглеца, рассудив, что воля соколу милее. И вот надо же — в такую глухую ненастную ночь птица вернулась сама. Неужели уличная стужа загнала упрямыцу обратно под кров?

— Чжив!

Соколенок забавно склонил голову набок, издал звонкую трель и вдруг камнем ринулся к углу стола. Схватив когтистой лапой сушеный финик, он взмыл к стоявшему на полке миниатюрному саду камней и, устроившись на ветке карликового деревца, принялся с аппетитом клевать угощение. В мгновение ока от крупного плода осталась лишь голая косточка. С такой жадностью набивать брюхо пристало разве что дикому стервятнику.

Чжан Хэлинь покачал головой:

— Видно, наголодался на воле, бедняга... Какая преданность! И ведь как-то отыскал дорогу к хозяину сквозь метель.

Но ведь Пэй Чжао никогда прежде не брал питомца в эту загородную усадьбу у горячих источников. А сокол ухитрился прилететь именно сюда.

— Настоящая вещая птица, не иначе, — благоговейно прошептал евнух.

Пэй Чжао протянул ладонь, надеясь приласкать птицу, однако соколенок даже не посмотрел на него. Он лишь смешно закрутил головой, примериваясь к новой цели, утащил еще один финик и деловито захрустел мякотью. Славный питомец, ничего не скажешь: лакомство признал сразу, а вот хозяина — в упор не видит.

Проглотив еще несколько штук, сытый сокол наконец соизволил перебраться на руку Пэй Чжао. Переступая лапками, он не удержал равновесие, забавно покачнувшись и окунул пушистый черный хвост прямо в каменную тушечницу.

Чжан Хэлинь лишился дара речи. Только-только похвалил за сообразительность!

Поняв, что напроказил, соколенок испуганно захлопал крыльями и сиганул прочь за бисерную завесу, оставив на полированном дереве стола вереницу чернильных клякс.

Управляющий смущенно кашлянул:

— Видно, совсем от рук отбился на воле. Быть может, стоит отдать его псарям из Управления императорских конюшен и питомников? Пускай тамошние сокольники поучат его уму-разуму.

Пэй Чжао покачал головой:

— Ни к чему. Птица вольная, живая. Зачем ломать ее нрав?

Глядя на темные брызги туши на столе, он не ощутил гнева. В конце концов, хозяином он сам был не самым заботливым, так стоило ли требовать от дикого создания кротости и безупречного послушания?

С тех пор в усадьбе завелся беспокойный жилец. Черно-белый комок перьев то исчезал на полдня, то возвращался. Пэй Чжао, отрываясь от книг, все чаще видел, как соколенок кружит под потолком. Птице приглянулись цветущие ветви сливы в комнатном садике камней — возвращаясь, она неизменно усаживалась именно туда. Вот только с наступлением темноты соколенок улетал в неизвестном направлении. Поначалу Пэй Чжао опасался, что глупая пичуга замерзнет в заснеженном лесу, но по утрам сокол возвращался бодрым и полным сил. Должно быть, облюбовал какой-нибудь заброшенный чердак или пустующие покои по соседству.

Пэй Чжао не собирался лишать летуна свободы. Он лишь велел слугам оставлять на видных местах блюдца со свежими ягодами и семенами, чтобы соколенок всегда мог утолить голод.

Но однажды вечер выдался необычайно тихим. Ночь уже полностью вступила в свои права, а черно-белого силуэта все не было видно.

«Видно, сегодня не прилетит», — подумал Пэй Чжао.

Едва эта мысль промелькнула в его голове, как из-за занавеса ворвался вихрь перьев. Птица летела так стремительно, что зацепила лапой фарфоровую подставку для кистей, и та с громким стуком покатила по столу.

Пэй Чжао опустил книгу:

— Да когда же ты уймешься, разбойник?

— Чжив!

Соколенок зачирикал на все лады, явно довольный своей проделкой, схватил когтями крупный финик и вмиг очистил его до косточки.

Вдруг из коридора донеслись торопливые шаги. Вошел Чжан Хэлинь и с удивлением доложил:

— Владыка, к нам пожаловал молодой господин из соседней усадьбы. Говорит, у него улетела любимая птица.

6.2

На исходе дня Нин Ли вздумал подразнить Кунжутную Пасту. Когда слуги подали сладкий суп, он не выделил питомцу ни капли, даже лизнуть не позволил. Оскорбленный в лучших чувствах соколенок сердито заверещал и пулей вылетел в распахнутую форточку.

Нин Ли к таким капризам давно привык и поначалу не придал значения обидам капризной птицы. Но время шло к ночи, пора было ложиться спать, а беглец так и не соизволил явиться. В гостиной для соколенка соорудили уютный нашест из ветвей дикой сливы, заменявший ему гнездо. Рядом стояла изящная клетка из наньму с полными кормушками, однако бобы лежали нетронутыми, да и вода в поилке не убавилась ни на палец.

«Неужели и вправду обиделся? Сбежал среди ночи?» — беспокоился юноша.

Сердце у него было не на месте. Соколенок некогда повредил крыло, и хоть рана затянулась и птица летала без видимого труда, знающему лекарю ее так и не показали. Мало ли какие скрытые недуги могли проявиться от холода. К тому же мороз за стенами крепчал с каждой минутой. Малые соколы плохо переносят зимнюю стужу — если глупая птица проведет ночь на ветке, она попросту погибнет.

— Лингуан! — позвал Нин Ли, выходя в приемную.

Высокий безмолвный страж, как всегда, преданной тенью нес дозор у дверей.

— Ты не видел, куда делась Кунжутная Паста?

Лингуан молча указал рукой вдаль:

— Полетел в сторону соседнего поместья.

— Соседи?

Нин Ли поспешил по дорожке, вглядываясь в ветви деревьев и негромко окликая беглеца, но соколенок не отзывался. Вскоре мощеная тропинка уперлась в высокую каменную ограду, разделявшую два владения. Сквозь резные щели в кладке виднелась лишь непроглядная тьма,

но если приподняться на цыпочки, в глубине соседского сада можно было разглядеть теплые огоньки чужого дома.

Неужели пернатый разбойник действительно залез к соседям?

Нин Ли замялся. Раз окна горят, хозяева наверняка бодрствуют. И все же ломиться в чужие ворота в столь поздний час — верх неприличия.

— Стало быть, птица принадлежит ему? — переспросил Пэй Чжао.

— Так точно, Владыка, — почтительно отозвался Чжан Хэлинь. — Молодой господин утверждает, будто своими глазами видел, как его соколенок опустился в наших угодьях, и покорно просит позволения забрать беглеца.

В любой другой день управляющий прогнал бы полуночного гостя взашей, даже не докладывая господину. Но сейчас дело приняло весьма курьезный оборот. «Виновник» переполоха преспокойно сидел на ветке и с самым невозмутимым видом уплетал очередной сладкий плод.

Пэй Чжао перевел задумчивый взгляд на пернатого воришку и нахмурился. Сокол-то его, откель же взялся второй хозяин?

Чжан Хэлинь поймал колебания господина и предложил:

— Велите прогнать его, Владыка?

Пэй Чжао покачал головой:

— Незачем. Зови.

Немного поколебавшись, Нин Ли все же решился переступить порог чужого дома. Да, заявляться посреди ночи — дерзость несусветная, но бросить питомца погибать от холода он не мог.

Дверь ему открыл гладко выбритый слуга со спокойным бледным лицом. При виде неожиданного гостя в глазах мужчины промелькнуло мимолетное изумление. Решив, что доставил хозяевам массу неудобств своим не вовремя случившимся визитом, Нин Ли искренне смутился. В его голосе зазвучали просительные, извиняющиеся нотки:

— Простите великодушно за столь поздний визит. Я бы ни за что не посмел тревожить вас, но мой соколенок улетел и скрылся в вашем саду.

Управляющий Чжан мягко улыбнулся:

— Не беспокойтесь, молодой господин. Прошу, следуйте за мной.

Поместье оказалось на удивление просторным и ухоженным. Они миновали длинные крытые галереи, сквозь колонны которых кружились пушистые снежинки, и поднялись на крыльцо главного павильона. Стоило Нин Ли переступить порог, как лицо обдало густым, почти душным теплом. Комнаты были натоплены с такой щедростью, будто хозяин пытался изгнать малейший намек на зимнюю прохладу.

За письменным столом сидел молодой мужчина, небрежно набросивший на плечи просторный халат цвета морской волны. Услышав шаги, он неторопливо обернулся. Нин Ли встретился с ним взглядом и на мгновение застыл, пораженный его обликом. Незнакомец обладал удивительной, благородной статью и глубоким, ясным взором. Черты его лица казались безупречно строгими, даже суровыми, но в каждом движении сквозило редкое изящество. В воздухе витал тонкий, едва уловимый аромат благовоний, смешанный со свежим запахом цветущей дикой сливы — в изящной вазе на краю стола пламенела ветвь красной мэйхуа.

Поток холодного воздуха, ворвавшийся вслед за гостем, заставил хозяина дома тихо, болезненно закашляться.

Нин Ли опомнился и невольно воскликнул:

— Ой... Вы все еще хвораете? Кашель так и не прошел?

Случайная встреча в заснеженном сливовом саду успела связать их незримой нитью мимолетного знакомства.

Нин Ли хотел было расспросить подробнее о его самочувствии, но тут его взгляд упал на письменный стол. Там царил неопишуемый разгром: драгоценные кисти валялись как попало, бруски сухой туши перевернулись, а «виновник торжества» преспокойно восседал на резной бамбуковой подставке, забавно косясь на хозяина. При виде Нин Ли соколенок радостно затрепетал крыльями и взлетел повыше.

— Чжив!

Все заготовленные вежливые речи мигом вылетели у юноши из головы. Он растерянно посмотрел на хозяина дома, чувствуя, как щеки заливают краска стыда:

— Мне... мне так неловко. Дома он никогда так не безобразничает. Позвольте, я сейчас все приберу!

— Не стоит беспокоиться, — мягко отозвался Пэй Чжао. Голос его звучал негромко и хрипловато из-за простуды, но в нем слышалось искреннее дружелюбие. — Дикая птица не знает удержки, таков ее нрав.

Его ровный, размеренный тон успокаивал, прогоняя неловкость. Нин Ли скользнул взглядом по управляющему, и тот понимающе заулыбался:

— Молодой господин, оставьте, право. Мне не составит труда все расставить по местам.

Пока они разговаривали, соколенок кокетливо склонил голову и, сорвавшись с нашествия, уверенно опустился на плечо Нин Ли. Облегченно вздохнув, юноша легонько щелкнул птицу по затылку:

— Ах ты, негодник! Всю душу из меня вытряс. На дворе стужа лютая, а ты вздумал в прятки играть. Хоть бы о своих крыльях подумал!

— Чжив!

Радостный соколиный писк зазвенел под сводами теплой комнаты, разгоняя зимнюю скуку.

Пэй Чжао с любопытством спросил:

— Так это твой воспитанник?

— Да, — кивнул Нин Ли. — Подобрал его совсем обессиленным. У него крыло было перебито, до сих пор не до конца окрепло. Я надеялся выходить его в тепле, да только уследить за этим разбойником невозможно — так и норовит вырваться на волю.

Пэй Чжао посмотрел на соколенка, преданно прижавшегося к щеке хозяина, и согласился:

— Заметно. Нрав у него крутой.

Было видно, как сильно птица привязана к юноше — она не просто сидела на его плече, но и ласково терлась клювом о его бархатистую щеку. В присутствии Пэй Чжао сокол никогда не позволял себе подобных нежностей. Тот помнил птицу дикой и задиристой, здесь же она казалась на удивление ручной и ласковой.

«Сразу видно, окружили заботой», — подумал он.

Нин Ли замолчал, а Пэй Чжао по природе своей не любил пустой болтовни, и в покоях вновь воцарилось молчание.

Юноша робко поднял глаза и встретился с кротким, на удивление теплым взглядом хозяина усадьбы — тот смотрел на него спокойно и ясно, словно весенний ручей под лунным светом. От этого Нин Ли смутился еще сильнее, вспомнив о своей бесцеремонности. Не верить же, в самом деле, будто эти обглоданные косточки на лакированном столе оставил благородный господин. Без сомнения, это происки его прожорливого любимца.

— Простите его, пожалуйста, — пробормотал он, виновато опустив голову.

Словно в подтверждение его слов, соколенок на плече важно закивал головой.

Пэй Чжао невольно улыбнулся. Птица так отчаянно ластилась к своему новому покровителю, что он почувствовал себя здесь лишним. «Хитрый плут. Кормится у одного, а ночует у другого...» Теперь стало ясно, почему сокол пропадал по ночам — он просто-напросто перебирался в теплое соседское крыло. И надо же было случиться такому совпадению, что приютил беглеца тот самый юноша, которого Пэй Чжао встретил в сливовом саду.

Между тем юноша ласково потрепал птицу по крылу:

— Кунжутная Паста, ну-ка води себя прилично. Поклонись господину и скажи спасибо за доброту. Наш благодетель оказался на редкость великодушным — не стал сердиться на твои проказы, да еще и приютил в такой мороз. Слышишь меня?

Пэй Чжао лишился дара речи. Смерив сокола долгим, невыразимым взглядом, он медленно переспросил:

— Ты зовешь его... Кунжутной Пастой?

— Ну да! — весело подтвердил Нин Ли. — Посмотрите сами: головка черная, а грудка и лапки белоснежные. Ну точь-в-точь как порция серой кунжутной пасты в белой фарфоровой пиале!

Юноша говорил искренне и весело, и его звонкий голос разливался по комнате приятной трелью.

Стоявший у дверей Чжан Хэлинь закашлялся, едва сдерживая смех. Лишь многолетняя выучка придворного слуги спасла его от позорного смешка при господине, хотя плечи его заметно мелко дрожали. Ему стоило огромных усилий сохранить невозмутимый вид. Уж какими бы изысканными именами его благородный господин ни нарекал своих гончих и соколов, глупая «Кунжутная Паста» точно не входила в этот список. А сокол, словно издеваясь, продолжал

тереться о щеку гостя, всем своим видом показывая, что новое имя ему бесконечно мило.

— Похоже, он нашел в твоём лице родную душу, — заметил Пэй Чжао.

Нин Ли растерянно моргнул:

— Может быть, помнит, как я его выходил? Пытается отблагодарить за спасение?

В его словах сквозило чистое, детское сомнение, но нежность, с которой он погладил птицу, говорила сама за себя.

Пламя свечи дрогнуло, осветив лицо гостя. Пэй Чжао вгляделся в его глаза — чистые, ясные, где черное и белое разделялись без единого полутона. В этой безмятежной глубине светилась безупречная, хрупкая искренность. И вдруг сердце Пэй Чжао болезненно сжалось: перед ним возник призрак из прошлого. Те же глаза некогда смотрели на него сквозь серую дымку над бурным течением реки Чушуй, среди пожухлых от заморозков прибрежных трав... Тот мимолетный, спасительный взор вспыхнул на мгновение и растаял без следа. А ведь он до сих пор не вернул долг своему таинственному спасителю.

Должно быть, разум сыграл с ним злую шутку в лихорадочном бреде. Стоящий перед ним юноша казался слишком юным и безмятежным — пожалуй, он еще даже не прошел обряд совершеннолетия.

— Я еще во время нашей первой встречи хотел спросить, да из головы вылетело... — смущенно признался Нин Ли. — Позвольте узнать ваше имя?

Пэй Чжао выдержал короткую паузу и тихо произнес:

— Пэй Синчжи.

Нин Ли на секунду задумался, а затем согласно кивнул:

— Красивое имя.

Пэй Чжао мягко усмехнулся:

— Вот как? И что же в нем примечательного?

Нин Ли растерялся. Он никак не ожидал встречного вопроса, и его нехитрый ум окончательно

зашел в тупик. Ответить было решительно нечего. Попытаться сочинить изящное толкование на ходу было бесполезно — Нин Ли слишком хорошо знал пределы своих познаний. Покусывая губы, он признался со всей прямоотой:

— Я не силен в изящной словесности. Просто мне кажется, имя Синчжи вам необычайно подходит.

И, напрягшись из последних сил, добавил:

— В нем слышится... неспешность и величие. Будто сама природа сотворила его для вас.

Пэй Чжао негромко рассмеялся. Ему доводилось выслушивать немало пышных славословий от придворных каллиграфов и ученых мужей, но все те напыщенные мадригалы отдавали приторной лестью. А вот простодушное, вымученное объяснение этого юноши тронуло его до глубины души, отозвавшись в сердце неожиданным теплом.

Он приветливо склонил голову:

— А как зовут тебя?

Глаза гостя весело сузились, и на его бледных щеках проступили две очаровательные ямочки:

— Мое имя — Нин Ли.

Пэй Чжао на миг замер, а затем негромко, пробуя имя на вкус, произнес:

— Ниннин?

Нин Ли оторопел. Слышать это нежное домашнее прозвище из уст едва знакомого человека было до крайности непривычно. «Ниннин» его звал исключительно отец. Прочие слуги и придворные величали его молодым господином или наследным принцем. Этот статный незнакомец за письменным столом держался на удивление вольно для первой встречи.

И все же... Благородство и утонченная красота Пэй Чжао внушали такое невольное почтение, что обижаться на него не поднималась рука.

«Ничего страшного, — рассудил Нин Ли, вспомнив наставления отца перед отъездом в столицу. — Отец велел мне заводить побольше верных друзей в Цзянье. А господин Пэй Синчжи мне определенно по душе. Пускай зовет как хочет, не убудет от меня».

Он приветливо кивнул и звонко отозвался:

— Да, можно и так.

Обладая поразительной чуткостью, Пэй Чжао уловил секундное замешательство гостя:

— Тебе не нравится, когда тебя так называют?

— Вовсе нет, — поспешил заверить его Нин Ли. — Просто меня так кличет только отец, от других я подобного не слышал.

Пэй Чжао беззвучно повторил имя одними губами. На его губах заиграла едва заметная улыбка:

— Ниннин... Повторяющиеся слоги звучат ласково и легко. Тебе очень идет.

— Ох...

Нин Ли совсем засмутился и поспешно опустил взор, пряча румянец. И пускай они уже сочли друг друга добрыми приятелями, это ласковое имя из уст молодого мужчины заставляло его сердце стучать чуть быстрее. Ему было невыразимо, сладостно стыдно.

<http://bllate.org/book/20087/2001847>